

В голове Линь Цзыся промелькнул образ: пожилая женщина сжимает её руку, а в затылке возникла такая боль, что она вынужденно остановила свои мысли.

Увидев это, старейшина Сяо подошёл и напомнил:

— Господин, врач сказал, что молодой госпоже нужно больше отдыхать.

— Цинь Лань, проводи госпожу наверх и дай ей отдохнуть. Пусть Жусинь и Жуи позаботятся о ней, — распорядился Линь Цзяньдэ.

Жусинь и Жуи были самыми умелыми девушками в усадьбе.

Линь Цзяньдэ проводил взглядом внучку, пока она не скрылась за углом, и только тогда его лицо стало холодным. Атмосфера власти, исходившая от него, мгновенно усилилась.

— Тщательно расследуйте. Всех, кто замешан, независимо от их положения, изгоните из семьи Линь. А доказательства передайте в полицию.

Изгнание из семьи Линь ещё оставляло шанс на жизнь, но обращение в полицию означало как минимум десять лет тюрьмы.

— И ещё... Позовите адвоката Вана, — добавил он после раздумий.

Пришло время изменить завещание. Внучка вернулась, и её нельзя было обделить. Третья доля должна была остаться ей.

Старейшина Сяо, много лет служивший рядом с Линь Цзяньдэ, прекрасно понимал его намерения.

— Пусть господин проживёт сто лет, а здоровье его будет крепким, как у тигра.

Линь Цзяньдэ покачал головой. Если бы всё было так хорошо, он бы не сидел в этом проклятом месте, лечась от болезни, и не позволил бы злоумышленникам воспользоваться ситуацией.

Поднявшись на второй этаж, Линь Цзыся в растерянности села на кровать. За окном раскинулись зелёные луга, фонтаны и озёра, но это не было тем, что мелькало в её воспоминаниях.

Она невольно нахмурилась, голова болела, словно вот-вот взорвётся.

Обрывки воспоминаний медленно запечатывались, уходя в глубины её сознания.

Только ожерелье на груди вызывало острую боль в сердце. Она осторожно нажала на маленькую круглую деталь, но внутри ничего не было — стекло разбилось на мелкие осколки.

14 июля, День всех влюблённых.

Но ещё страшнее, чем уход, было исчезновение — полное и бесповоротное стирание из этого мира.

Дом Ши.

Бу Даньмань стояла рядом с обезумевшей Ли Тан.

— Ли Тан, прими реальность. Хотя мне тоже трудно с этим смириться, но Ши Чжицю действительно...

Она не закончила, лишь встретилась взглядом с кроваво-красными глазами Ли Тан, в которых не было ни капли жизни.

Неделю назад, благодаря расследованию полиции, стало известно, что в ту ночь, когда Ши Чжицю покинула дом, она вошла в заброшенный завод и больше не вышла.

Прошло больше двух недель, и все понимали, что могло произойти. Полиция закрыла дело как исчезновение.

Ли Тан потеряла самообладание в полицейском участке. Она упала на колени, умоляя:

— Ши Чжицю жива, она просто злится на меня и спряталась. Пожалуйста, найдите её. Она не может быть в опасности...

Она повторяла свои мольбы снова и снова.

Сотрудники полиции узнали её — она была победительницей провинциального этапа гаокао по естественным наукам. Её имя несколько раз проверяли, прежде чем подтвердить личность.

Девушка перед ними была до ужаса худа, выглядела как живой скелет, с растрёпанными волосами и пустым взглядом.

Они пообещали приложить все усилия, увеличить количество ресурсов для поисков по всей провинции и даже стране, но результат оставался туманным.

Не было информации о выезде Ши Чжицю за границу, данных о проживании в отелях, покупке билетов...

Все улики указывали на трагедию.

— Ши Чжицю жива, она ждёт, чтобы ты её нашла, — Сы Янь поставила перед ней миску с белым рисовым супом. — Если ты будешь продолжать в том же духе, как ты думаешь, ты её найдёшь?

Глаза Ли Тан слегка дрогнули. Она медленно подошла к столу, взяла миску и начала пить. Долгое время без еды вызвало лёгкую боль в животе, когда пища начала поступать внутрь.

— Кашель, кашель... — Треть супа попала в её желудок, треть пролилась на одежду.

Этот акт саморазрушения вызвал у окружающих смешанные чувства. С одной стороны, это была первая еда за несколько дней, но этого было слишком мало. Сколько дней Ши Чжицю не было, столько же Ли Тан не ела нормально.

Часто она пила лишь несколько глотков воды, а иногда Чжао Аньвэнь сунула ей яблоко, и она ела его, просматривая записи с камер наблюдения, которые охватывали десять километров от дома Ши. Она провела за этим три дня.

Именно она нашла последний кадр, где Ши Чжицю входила на завод.

— Это... это считается едой? — Чжао Аньвэнь смотрела с изумлением, а Сы Янь жестом попросила её замолчать.

Бу Даньмань не стеснялась.

— Посмотри на себя. Ты выглядишь как призрак. Ни один нормальный человек так не ест. Если ты продолжишь в том же духе, ты не найдёшь её, а только потеряешь свою жизнь.

Ли Тан замедлила темп еды, её рука дрогнула, но она продолжала механически отправлять пищу в рот.

В случаях исчезновения, подобных этому, полиция обычно быстро закрывает дело.

Человек ушёл, и Бу Даньмань, как бы она ни любила Ши Чжицю, должна была отпустить. Она считала, что Ли Тан слишком драматизирует, не может смириться, и её голова, кроме учёбы, ни на что не годится.

— Ладно, продолжай мучить себя. Если ты не умрёшь от этого, я поверю тебе. Это всего лишь смерть человека, не надо вести себя так, будто без неё мир остановится, — резко сказала Бу Даньмань, каждое слово било в самое сердце.

Юй Чи, сидевший на стуле, резко встал, выхватил миску из рук Ли Тан и с силой поставил её на стол.

— Хватит, Ли Тан. Если ты хочешь умереть, подожди, пока я верну тебе деньги.

Ли Тан безучастно села на пол, её растрёпанные волосы уже закрывали уши. Она словно говорила сама с собой:

— Мир может обойтись без Ши Чжицю, но я, Ли Тан, не могу.

— Ох, спросите, что такое любовь, она заставляет людей мучить себя! Эй, Яньянь, за что ты меня ударила? — Чжао Аньвэнь, получив неожиданный удар по затылку, с недовольством посмотрела на Сы Янь.

Линь Даху сидел рядом, вытирая слёзы и рыдая.

— Сейчас, в таком состоянии Ли Тан, даже её семья боится подойти к ней, — вспомнила Бу Даньмань, как выглядели члены семьи Ли, когда вышли результаты гаокао.

В её сердце возникло сочувствие к Ли Тан.

Юй Чи вспомнил, как семья Ли приходила, пытаясь уговорить Ли Тан вернуться домой. Но, увидев, как она целыми днями сидит перед монитором, они испугались и больше не приходили. Для них эта дочь была не только больна, но и сумасшедшая.

Деньги и слава, которые могла принести победа в гаокао, не стоили затрат на лечение.

— Хватит говорить. Моя наставница несчастна, у неё такие родители, а её возлюбленная пропала. Бедняжка... — Линь Даху, несмотря на свою грубую внешность, был очень чувствительным.

Тем временем Сы Янь отвела Ли Тан в ванную и помогала ей умыться. Однако Ли Тан просто молча смотрела в пустоту, не выказывая желаний говорить.

— Ли Тан, соберись. В списке выбора университетов ты выбрала Университет Цинда, и я уже подала заявку. Если ты не возьмёшь себя в руки, тебя не примут ни в один университет, — Сы Янь взяла ножницы и подрезала её слегка отросшие волосы.

Она раньше работала в парикмахерской, так что её навыки были неплохи.

Четверо друзей сидели в ряд, а Бу Даньмань крикнула Линь Даху:

— Хватит рыдать, обсудим, что делать.

— Да, как помочь Ли Тан выбраться из этой ситуации. Сейчас каникулы, мы можем по очереди быть с ней, но когда начнётся учёба, у нас не будет времени, — Юй Чи нахмурился.

У него дома была больная мать, и хотя её состояние улучшилось, она всё ещё нуждалась в уходе. Он последнее время бегал между двумя местами, и едва ложился в кровать, как засыпал.

Чжао Аньвэнь выглядела безнадёжной.

— Что я могу сделать? Мне тоже грустно, мне тоже тоскливо.

— Может, у Ли Тан уже проблемы с головой? — Бу Даньмань указала на свою голову. — Она сказала, что Ши Чжицю оставила записку и SIM-карту. Зачем она оставила эти вещи?

— Страшно подумать! Ранним утром Чжицю пошла на заброшенный завод и исчезла. Может, это было вторжение НЛО, первый шаг инопланетян в изучении Земли, или загадочная чёрная дыра появилась? — Чжао Аньвэнь нарисовала в воздухе крест. — Будда, защити нашу Чжицю, чтобы она вернулась домой!

Линь Даху рассмеялся сквозь слёзы.

— Разве не Господь должен защитить мою наставницу?

— Главное — смысл, а не слова. Думаю, старец не будет придираться. Ну, оба.

<http://bllate.org/book/15496/1374019>